
О нарративных значениях собственных имен*

© 2020 г. М.Л. Ивлева^{1**}, А.З. Черняк^{2***}

^{1, 2} *Российский университет дружбы народов,
Москва, 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.*

** *E-mail: marinanonna@yandex.ru; ivleva-ml@rudn.ru*

*** *E-mail: abishot2100@yandex.ru*

Поступила 10.12.2020

В статье проводится мысль о том, что значения собственных имен могут быть рассмотрены как активаторы нарративов. Авторы применяют методологию дискурсивной семантики и подчеркивают, что в современной семантике различаются денотаты – объекты в мире, обозначаемые именами, – и абстрактные сущности, являющиеся элементами дискурсов, в которых используются имена, которые эти имена в этих дискурсах вводят, – так называемые дискурсивные референты. Существенной характеристикой дискурсивного референта является то, что он задается дискурсом – конечной последовательностью высказываний. В рамках данного подхода определенное выражение, частным случаем которого является собственное имя, всегда вводит нечто уже знакомое вследствие знакомства с соответствующим дискурсом, тогда как неопределенное выражение вводит новое содержание. Авторы приходят к выводу, что определенное выражение может быть использовано в ситуации, когда из предшествующего дискурса еще не ясно, о чем именно идет речь; его дискурсивный референт может быть не определен разворачивающимся дискурсом. В этих случаях, полагают авторы, собственное имя вводит интердискурсивный референт, который определен не дискурсом, в котором оно использовано, а более объемлющей совокупностью высказываний – нарративом, представленным разными дискурсами, объединенными тематически. Таким образом, в ряде случаев значения собственных имен можно понимать как актуализуемые их использованием нарративы.

Ключевые слова: философия языка, дискурс, семантика, значение, денотация, имя собственное, нарратив.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–4–20–30

Цитирование: *Ивлева М.Л., Черняк А.З. О нарративных значениях собственных имен // Вопросы философии. 2020. № 4. С. 20–30.*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 19–511–44003/19 Монг-т «Социальное знание: вызовы современной техногенной цивилизации».

On Narrative Meanings of Proper Names*

© 2020 Marina L. Ivleva^{1**}, Alexey Z. Chernyak^{2***}

^{1,2} Peoples' Friendship University of Russia,
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation.

** E-mail: marinanonna@yandex.ru, ivleva-ml@rudn.ru

*** E-mail: abishot2100@yandex.ru

Received 10.12.2020

The article holds the idea that the meaning of proper names can be considered as activators of narratives. The authors apply the methods of discourse semantics and emphasize that there is a tendency in modern semantics to distinguish between denotations – things in the world which names denote, – and abstract entities which are elements of the discourses where the names are used, which those names introduce – so-called discourse referents. An essential feature of these referents is that they are determined by discourses – finite sequences of utterances. In the framework of this approach definite expression like proper name always introduces something known from the previous discourse, whereas indefinite expressions introduce new content. The authors come to the conclusion that a definite expression may be used in the situation when the current discourse doesn't tell what its subject-matter is (e.g. in the beginning of the discourse). In this case, the abstract meaning of a name cannot be its discourse referent because there is not yet any discourse referent to be used. The authors show that in such a case the meaning of a proper name is determined not by the discourse which utilizes it, but by a more complex set of sentences exemplified by different discourses, which may be called a narrative. Thus, in certain cases meanings of proper names are narratives activated by their uses.

Keywords: philosophy of language, discourse, semantics, meaning, denotation, proper name, narrative.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–4–20–30

Citation: Ivleva, Marina L., Chernyak, Alexey Z. (2020) 'On Narrative Meanings of Proper Names', *Voprosy Filosofii*, Vol. 4 (2020), pp. 20–30.

Введение: дискурсивная семантика и имена

Люди общаются посредством высказываний, высказывания соединяются в дискурсы. Важную часть коммуникативной работы языка выполняют имена и определенные дескрипции: именно с их помощью мы понимаем, о чем идет речь в соответствующем дискурсе. Стандартная семантика собственных имен приписывает им в качестве значений денотаты – единичные сущности, которые они обозначают, – выбираемые обычно из фрагментов окружающей реальности, таких как объекты, индивиды, места, события и т. п. Так, «Цезарь» в привычной для нас трактовке этого имени обозначает реального человека, а «Москва» – реальный город. Но есть имена – например, «Пегас», – которые не обозначают ничего реального (хотя, предположительно, имеют все же референции), а есть и такие, которые как будто вообще ничего не обозначают (например, «Бармаглот»). Тем не менее большинство имен

* The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the research project "Social knowledge: the challenges of modern technogenic civilization», project No. 19–511–44003/19.

воспринимается их пользователями как обозначающие что-то – если не реальную вещь, то идею, ментальный образ или абстракцию.

Существует семантическая теория (вернее, группа теорий), позволяющая именам иметь денотаты в рамках дискурсов, независимо от того, есть у них носители в реальном мире или нет; даже пустое имя может иметь в этой модели денотат. Этот подход известен как дискурсивная семантика. Это популярное объяснение динамики понимания и построения дискурсов из отдельных лингвистических элементов, которое представляет собой альтернативу стандартной семантике имен, берущей свое начало из работ Милля, Фреге и Рассела, в которой у имен есть денотаты, связывающие их с реальностью, и смыслы, связывающие их с человеческими представлениями. В дискурсивной семантике с использованием имен и именных групп ассоциированы два уровня значения, соответствующие двум уровням взаимодействия с дискурсом. На одном уровне происходит понимание сказанного, на другом его оценка, в том числе приписывание истинностных свойств. Понимание оперирует не реальными денотатами (референтами), а ментальными конструкциями – так называемыми *дискурсивными референтами* (термин Л. Карттунена) или, в другой терминологии, картами файлов (термин И. Хайм). На уровне оценки дискурса дискурсивные референты замещаются соответствующими фрагментами реальности, если подходящие фрагменты обнаруживаются.

Согласно И. Хайм, неопределенные именные фразы вводят новые дискурсивные референты, а определенные, к которым относятся и собственные имена, модифицируют уже существующие карты файлов, дополняют их новой информацией [Heim 1982, 227]. Так, например, высказывание «Кошка сидит на коврик», открывающее некий дискурс, вводит два новых дискурсивных референта, которые обычно обозначают переменными (x и y) и о которых из сказанного известно, что x относится к классу кошек, а y к классу ковриков. Если следом идет фраза «Эта кошка моя», в ней «эта кошка» указывает на то, что речь идет об уже введенном дискурсивном референте, о котором сообщается новая информация – что x принадлежит говорящему.

Это различие функций в целом отражает старую интуицию, предполагающую, что когда мы используем определенное выражение, мы имеем дело с чем-то уже знакомым, тогда как неопределенные выражения знакомят нас с чем-то новым. Считается, что эта семантика лучше своих конкурентов предсказывает поведение неопределенных и определенных именных фраз, особенно – их участие в анафорах [Ibid., 224]. Но что если определенное выражение – например, собственное имя – использовано в дискурсе впервые и никакой другой термин не вводит его дискурсивный референт? Что оно может модифицировать? Некий пустой «файл», предшествующий дискурсу? Но это – то же самое, что ввести новый дискурсивный референт, то есть вести себя как неопределенное выражение. Однако и в этих случаях семантический вклад собственных имен и аналогичных выражений может определяться тем, что уже сказано прежде.

Собственные имена как внешние якоря

Самое популярное объяснение семантического вклада собственных имен в дискурсы отождествляет его с денотатами или, по-другому, референтами этих выражений. Так, например, Дж. С. Милль утверждает, что единственным вкладом собственных имен в дискурсы являются их денотаты [Mill 1862, 1, 2, 5, 33]. С этой точки зрения, когда мы используем собственное имя, мы уже знаем его денотат. Но говорящий может знать из знакомства с ассоциированным со стандартным использованием данного имени дескриптивным содержанием лишь некую информацию, которой недостаточно для идентификации его денотата – выяснения, какой фрагмент реальности им является. Так, например, имя «Большой театр» содержит информацию, говорящую, что денотатом этого имени является театр и он большой, но какой именно это театр из театров большого размера, из этой информации неясно. Более того, денотатом этого имени может быть театр, вовсе не большого размера, но большой, например, по своему значению для искусства. Имя «Петр» вообще не имеет никакого дескриптивного содержания, все, что оно может

сообщать, это что его денотатом является нечто, именуемое Петром. Но в мире много чего имеет это имя. Большинство собственных имен, которые мы используем в коммуникации, многозначны; они имеют более одного референта, только один из которых говорящий, как правило, пытается выделить в конкретном дискурсе. Как достигается этот эффект?

Самый известный ответ в рамках дискурсивной семантики дает другой ее основатель – Х. Кэмп, который взял на вооружение так называемую теорию прямой референции. Согласно этой теории денотаты собственных имен не определяются их смыслами (даже если они их имеют) и собственные имена обозначают объекты, являющиеся их носителями, напрямую. Согласно Кэмпу, семантику собственного имени, использованного в дискурсе, можно объяснить наличием у него так называемого «внешнего якоря»: функции, отображающей дискурсивный референт на некий реальный объект. Файлу (или, в терминах Кэмпса, дискурсивно-репрезентативной схеме (ДРС)) с якорем для хотя бы одного дискурсивного референта в его составе могут удовлетворять только те положения дел, которые согласуются с соответствующим якорем [Kamp, Reyle 1993, 248]. Но каков статус такого якоря? Является ли он частью ментальной репрезентации дискурса или представляет собой некое опосредующее звено между ДРС и реальностью? Если он является частью ДРС, что следует из стандартного изображения его вклада в интерпретацию, то непонятно, как ДРС может быть одновременно изображением ментальной репрезентации дискурса и включать элементы самой реальности. Если якорь – часть ДРС, то **a** (объект, выбираемый из мира высказывания) должно быть не самим объектом внешнего мира, а символом, представляющим его в ДРС, а его денотат – ментальной репрезентацией соответствующего объекта. Если мы приписываем ей прямую референцию, согласно данному подходу, она также должна быть связана якорем с каким-то объектом и так далее до бесконечности. Если же трактовать якорь как некое дополнение к ДРС, то он должен сообщать дополнительную информацию об объекте, связанном этим якорем, которая не содержится в соответствующей ДРС, – причем такую, чтобы она позволяла разным участникам коммуникации выделить этот объект в мире, о котором идет речь. Но тогда почему не представить эту функцию в виде дополнительного элемента ДРС? (Критику неопределенного статуса внешних якорей см. подробнее: [Meier 2009, 291].)

Далее, вклад имени в дискурс может заключаться только во введении дискурсивного референта, связанного якорем. Имя устраняется из данного способа репрезентации, чтобы не казалось, будто его семантический вклад в дискурс хоть как-то зависит от ассоциированного с ним дескриптивного содержания – хотя бы металингвистического, которое всегда должно ему приписать. Но насколько корректна эта редукция? Ведь для говорящего может иметь значение, что конкретный индивид назван определенным именем, а не любым, каким его можно было бы назвать. Например, можно сказать: «Цицерон был великим оратором», а можно – «Туллий был великим оратором», и для нас оба высказывания будут иметь одно и то же значение, потому что «Цицерон» и «Туллий» мы используем как синонимы. Но если мы говорим, обращаясь к тому, кто, как мы считаем, не знает, что Цицерон – это Туллий, что Цицерон был великим оратором, хотя, с нашей точки зрения, мы выразили бы ту же самую мысль, сказав, что Туллий был великим оратором, мы, тем не менее, выбираем назвать Цицерона Цицероном, а не Туллием, потому что понимаем, что для слушающего, назови мы его Туллием, высказываемое предложение будет выражать другую мысль. Если данное высказывание значит только, что объект **b** был великим оратором, то замена «Цицерон» на «Туллий» в нем не должна сказаться на выражаемой мысли; но хотя для нас это так, это не так для нашего адресата: он в случае такой замены не поймет данное высказывание как говорящее о **b**, что он был великим оратором. Предвидя это, мы можем счесть существенным назвать **b** именем «Цицерон».

Кроме того, интуитивно еще можно понять, как якорь может быть руководством по интерпретации имени, если в непосредственном окружении интерпретатора есть хотя бы один объект, подходящий на роль того, на что следует отображать дискурсивный

референт интерпретируемого токена имени. Но что делать, если ничего подходящего в непосредственном окружении нет? Как понимать прямо-референциально стандартные использования таких имен, как «Цицерон» или «Аристотель»? Никого, кто мог бы быть самим Цицероном или самим Аристотелем в мире, каким он дан нам сейчас, нет.

Собственные имена как триггеры пресуппозиций

Одно решение проблемы состоит в том, чтобы трактовать собственные имена и другие определенные выражения, использованные в дискурсе впервые и не имеющие в нем анафорических антецедентов (выражений, у которых они могли бы заимствовать референцию), как вводящие нечто незнакомое, но определяемое контекстом. В этом случае признается, что дискурсу всегда предшествует некий не пустой «файл», в котором содержится информация о контексте этого дискурса и соответствующие определенные выражения вводят референты, определяемые элементами этого контекста. Тогда использование определенных выражений в подобных ситуациях можно трактовать как своего рода анафоры, связанные отношением кореференциальности с элементами пресуппозиций дискурса (того, что в нем предполагается, но не высказывается), содержащих информацию о его контексте. Собственные имена тогда рассматриваются как триггеры такого рода пресуппозиций, то есть выражения, которые своим появлением отсылают к информации, подразумеваемой в их высказывании. В этом случае предлагается считать, что на основании информации о контексте, которая предшествует дискурсу и является его, так сказать, «входными данными», участники разговора формируют некое предварительное представление, структурно аналогичное ментальным репрезентациям семантического вклада обычных составляющих дискурса. Можно предположить, что когда кто-то говорит: «Петя курит», а кто-то слышит это высказывание, у них уже есть общее представление о ситуации, в которой они оба находятся, и в этой ситуации есть единственный индивид, подходящий под название «Петя» (соответствующего пола, вида и т. п.). Тогда можно ожидать, что данное использование имени «Петя» относится, а последующие его использования будут относиться именно к этому индивиду.

Но что же референции к объектам, отсутствующим в контексте высказывания, открывающего дискурс? Если кто-то говорит, что какой-то его знакомый встретил сегодня Китайскую императрицу, то это высказывание подразумевает, что в мире, о котором идет речь, существует Китайская императрица; поскольку в непосредственном окружении говорящего (и интерпретатора) нет ничего подходящего на эту роль, наличие такого объекта, согласно данному подходу, просто допускается наряду с теми, которые даны в мире контекста. Разумеется, дальнейшая обработка этой информации может мотивировать отказ от этой пресуппозиции, если интерпретатор уверен, что не существует Китайской императрицы, с которой можно было бы встретиться здесь и теперь. То есть применительно к этим случаям предлагается считать, что в них просто создаются новые дискурсивные референты. Но что будет говорить фраза, например, «Вчера я читал Цицерона»? (Понятно, что первым шагом стандартной интерпретации этого высказывания будет замена «Цицерона» на «книгу Цицерона» или что-то подобное). Допустим, что имя «Цицерон» знакомо интерпретатору данного высказывания: в этом случае нельзя сказать, что оно вводит нечто незнакомое; и в то же время в контексте высказывания нет никого и ничего подходящего на роль референта этого имени.

Собственные имена как триггеры нарративов

Мы полагаем, что во многих случаях определенные выражения говорят о чем-то уже знакомом, но не определяемом ни дискурсом, частью которого является их текущее использование, ни его контекстом. Значение такого имени, как «Цицерон», знакомо тем, кто его систематически использует, по дискурсам, которые уже состоялись прежде. Можно сказать, что соответствующий дискурсивный референт уже введен и существует в этих дискурсах; так что, говоря о Цицероне с помощью имени «Цицерон», те, кто

знаком с этим именем, вводят посредством его использования уже существующий дискурсивный референт, а не создают новый. Уместно даже говорить в таких случаях о введении интердискурсивного референта, поскольку то, что такие выражения вводят, существует, как правило, как часть более чем одного предшествующего дискурса. С использованием подобных выражений в подобных ситуациях связано два уровня информации: информация, которая содержится в этом использовании выражения и которая может быть с него непосредственно считана – то, что оно сообщает, и то, что оно подразумевает (например, что это имя какого-то индивида и что этим именем зовется совершенно конкретный индивид, а не любой, кто носит это имя); и информация, которая необходима для его полноценного понимания, но источником которой является другой дискурс или множество дискурсов. Множество дискурсов, необходимых для полного понимания определенного выражения, можно назвать *нарративом* данного выражения. Первое использование знакомого (говорящему или интерпретатору) выражения в дискурсе можно, соответственно, понимать как активацию определенного нарратива.

В принципе, нечто аналогичное может происходить и в тех случаях, когда использованное имя не знакомо интерпретатору. Допустим, мы купили фильм и читаем его название: «Книга Генри». Поскольку мы знаем, что слово «Генри» обычно употребляется как имя собственное, мы понимаем, что речь идет о книге какого-то индивида по имени «Генри», но в нашем окружении нет никого, кто бы подходил на роль этого индивида, и, соответственно, нет подходящей книги. Мы в данном случае, конечно, тоже можем предположить, что в мире есть соответствующий Генри, но, во-первых, мы не можем быть уверены, что речь идет о реальном человеке, а не о вымышленном персонаже, а во-вторых, в отличие от выражения «Китайская императрица» «Генри» ничего не говорит о том, какой индивид должен удовлетворять «файлу» дискурса, частью которого является данное использование данного имени. Мы даже не можем быть уверены, что тот, кого вводит данное имя, известен окружающим – реальным или вымышленным в зависимости от того, о реальном или вымышленном герое идет речь – как Генри, что «Генри», иначе говоря, – его стандартное имя. Все проясняется, когда мы посмотрели кино или познакомились с его содержанием иным способом: мы узнаем, кто такой Генри и что за книга имеется в виду. Но еще до того, как мы познакомились с содержанием фильма, мы можем понять, что определенное выражение «книга Генри» вводит нечто, о чем идет речь в соответствующем фильме. Этот предмет нам еще не знаком, но он уже существует в окружающем мире и существует как часть определенного множества высказываний – дискурса фильма (это не обязательно высказывания, составляющие часть самого фильма; скорее это высказывания, с помощью которых может быть адекватно передано его содержание). Таким образом, в определенном смысле скорее вводится интердискурсивный референт, чем создается новый. Когда мы понимаем, что выражение «книга Генри» вводит дискурсивный референт, о котором мы сможем судить, только познакомившись с содержанием купленного фильма, мы понимаем, какую еще информацию мы должны привлечь для полного понимания названия этого фильма. Таким образом, мы делаем эту информацию актуальной, а соответствующий нарратив (в данном случае состоящий из одного дискурса) тем, откуда интерпретируемое выражение должно заимствовать свое значение. То есть мы создаем интердискурсивную анафору. В целом верно будет сказать, что даже незнакомое имя в роли активатора нарратива не просто указывает на него, а в определенном смысле вводит его элементы в текущий дискурс.

Говоря, например, о Цицероне, что он был великий оратор, мы можем не особо представлять себе, кто такой Цицерон. Допустим, мы знаем, что Цицерон – это известный римлянин, живший в прошлом, которого часто упоминают и о котором другие люди знают больше, чем мы. Можно сказать, что речь в данном случае идет о чем-то частично знакомом. Однако то, что мы знаем о Цицероне, не позволяет выделить единственного индивида, который бы удовлетворял сказанному. Если весь вклад имени в дискурс должен определяться этим дискурсом (пусть и в соединении с контекстом

высказывания), то не анафорическое использование даже имени частично знакомого предмета будет сродни использованию неопределенного выражения, которое вводит новый дискурсивный референт. Но это противоречит интуиции, что здесь речь все же идет о чем-то знакомом.

Нарратив выражения также может рассматриваться как своего рода «файл», но этот файл скорее объединяет множество разных дискурсов, чем является содержанием какого-то одного из них. Многие люди в прошлом говорили о Цицероне, создавая «файлы» с идентичной информацией, характеризующей этот предмет; из них сложилось то, что можно назвать нарративом Цицерона или просто совокупностью рассказов о нем. Сам Цицерон как предмет общий для всех этих дискурсов является в этом качестве не дискурсивным, а интердискурсивным референтом. Введение интердискурсивного референта предполагает, что семантический вклад в дискурс термина, который его вводит, должен определяться, скорее, одним из его нарративов, чем его содержанием (тем, что может быть считано с его конкретного употребления).

Нарративные значения имен

Мы полагаем, что во многих случаях определенная именная фраза, в том числе собственное имя, не анафорически использованное первый раз в дискурсе, не модифицирует уже существующий дискурсивный референт и, тем не менее, как и все определенные выражения, вводит нечто уже знакомое – однако не в силу знакомства с содержанием данного дискурса или с его пресуппозицией, а в силу существования определенного нарратива. Можно также предположить, что в таких случаях определенные выражения выполняют двойную функцию: на первом этапе интерпретации они, так же как и неопределенные выражения, вводят новый дискурсивный референт, который на втором этапе замещается интердискурсивным референтом, чья «карта файла» определяется неким выделенным нарративом. Нарратив обычно состоит из множества дискурсов, которые не воспроизводят друг друга, а представляют некий общий (хотя бы один) предмет в его развитии или с разных сторон, последовательно модифицируя его. «Карты файлов» интердискурсивных референтов, определяемые такими последовательностями дискурсов, уместно называть нарративными значениями выражений, которые их вводят. А нарративы, определяющие эти значения, по аналогии с пресуппозициями можно рассматривать как активируемые при использовании соответствующих выражений. Мы полагаем, что во многих случаях использование собственного имени и другого определенного выражения в дискурсе является триггером того или иного нарратива.

Вот простейший случай активации нарратива. Допустим, некто вчера обсуждал со своей женой новый диван: это обсуждение сформировало «файл» дивана, содержащий, например, следующие элементы «х удобный», «х красивый», «х вписывается в интерьер». Сегодня некто смотрит на диван и говорит: «А он не так уж хорош». Жена понимает по взгляду, о чем говорится и, соответственно, с каким прошлым дискурсом связан данный дискурс, к чему должно относиться использованное местоимение «он». Поэтому «он» активирует прошлый «файл» дивана, делает его частью нового разворачивающегося здесь и теперь дискурса и дополняет его, как и положено определенному выражению, элементом «х не так уж хорош». Если же некто скажет, глядя на диван: «Он вчера ничего не ел», эта информация будет явно противоречить тому, что можно всерьез сказать о диване; поэтому жена, скорее всего, сочтет, что если некто не шутит, то развивает какой-то другой состоявшийся прежде разговор, и попытается вспомнить, какой из них подходит по смыслу. Данное использование местоимения связывает его не с контекстом, а с прошлыми разговорами или текстами. Его интерпретация, руководимая этим прочтением, насыщает его нарративным значением: тем необходимым для полноценного понимания дискурса минимумом информации об интердискурсивном референте, которую можно извлечь из знакомства с соответствующим нарративом. Мы полагаем, что в тех случаях, когда собственное имя или

иной определенный термин не связан анафорически с каким-то другим выражением в рамках того же дискурса или соединения дискурса с его пресуппозицией, его основным вкладом в коммуникацию является соединение его содержания с его нарративным значением.

Например, мы можем использовать имя «Цицерон» для обозначения того же, кого этим именем обозначают люди, принадлежащие к определенной группе или к определенному типу, и не иметь какого-то определенного представления, которому бы удовлетворял только один индивид в мире, о котором мы ведем речь. И тем более мы не предполагаем в этом случае, что тот, о ком мы говорим с помощью данного имени, может быть непосредственно дан нам или нашему адресату в контексте высказывания. Идея нарративного значения определенного выражения предполагает: когда некая последовательность дискурсов образует нарратив, в котором множество дескрипций определяет конкретный интердискурсивный референт, существует множество выражений (состоящее хотя бы из одного элемента), являющихся относительно этого нарратива стандартными триггерами этого нарратива в коммуникации, и данное выражение является одним из них. Так, люди создали более или менее связный и последовательный рассказ о прошлом Европы – ее конвенциональную историю, образцами которой являются многие учебные тексты. В ней помимо прочего рассказано о человеке, стандартное имя которого – «Цицерон»; в результате мы имеем знакомый из этой истории предмет в виде индивида, обладающего определенными, описываемыми нарративом европейской истории чертами, одной из которых является то, что его в рамках этой истории зовут Цицероном, но также могут звать Марком Туллием Цицероном или просто Туллием. Этот знакомый предмет можно назвать в отличие от реального Цицерона историческим Цицероном.

Говоря, что Цицерон был великим оратором, мы можем подразумевать, что речь об историческом Цицероне, или просто использовать имя привычным для себя образом. Если оно является стандартным именем исторического Цицерона относительно соответствующего нарратива, его использование будет активировать для компетентных коммуникаторов нарративное значение, связывающее его с историческим Цицероном, а не с каким-то реальным человеком. После того как это нарративное значение «считывается» со сделанного высказывания, его истинность оценивается относительно наличия свойства быть великим оратором у исторического Цицерона, а не у какого-то человека, жившего в прошлом или живущего сейчас.

Аспекты нарративного значения

Активация нарратива происходит в голове коммуникатора. Но даже субъект, не знакомый с соответствующим нарративом, может произвести его активацию, если в дискурсе использованы определенные дескрипции, способные предоставить ему информацию о существенных свойствах этого нарратива. Рассмотрим такое предложение:

(1) *В войне бургиньонов и арманьяков дофин Карл в основном занимал сторону последних.* Слова (2) «в войне бургиньонов и арманьяков» в (1), понятом стандартным образом, отсылают к определенной войне, сторонами в которой были бургиньоны и арманьяки, и эта отсылка задает границы поиска значения для выражения (3) «дофин Карл».

Даже не зная ничего о бургиньонах и арманьяках, интерпретатор может понять из сказанного, что дофин Карл есть еще один участник того, о чем говорит (2), то есть что значения (3) и (2) как минимум пересекаются. Конечно, этого недостаточно для полноценной активации сложившегося в исторической науке нарратива войны бургиньонов и арманьяков, но это активирует часть соответствующего нарративного значения, а именно ту, которая отвечает за связь между терминами (3) и (2) в рамках этого нарратива.

(1), однако, может представлять собой связный дискурс и при этом быть нарративно несовместимым. Что это значит? За связность дискурса отвечает его структура или логика, а именно каждое последующее высказывание должно выполнять определенную

роль в рамках коммуникативной ситуации, границы которой задают границы дискурса; как минимум оно должно быть реакцией на какое-то из предшествующих высказываний (или, в некоторых случаях, – действием, предвосхищающим какое-то последующее высказывание). Важно, однако, чтобы эта реакция была семантической, то есть чтобы посредством понимания значения такой реакции можно было выполнить какое-то действие со значением того, реакцией на что она является, то есть того, что уже сказано (или того, что вот-вот будет сказано). Например, если после (1) идет предложение (4) «Да, это так», составляющее с (1) связный дискурс, то его понимание позволяет оценить значение сказанного в (1) – сделать вывод, что оно истинно с точки зрения автора (4) или вызывает его согласие. Роль реакции на что-то уже сказанное накладывает определенные ограничения на свободу выбора выражений и их значений, а именно они выбираются рациональным агентом высказывания из расчета, что их понимание позволит понимающему произвести нужное действие со значением того, реакцией на что является данное высказывание. А рациональный интерпретатор обычно старается приписывать значение высказыванию, исходя из самых правдоподобных гипотез относительно того, частью какого дискурса оно является, и относительно его роли или ролей в этом дискурсе.

(2) в составе (1) стандартно воспринимается как часть дискурса (1), потому что самой правдоподобной гипотезой, объясняющей появление данного фрагмента в данном контексте (при условии рациональности автора высказывания) является та, согласно которой (2) было высказано для того, чтобы все, что идет следом, было понято как относящееся к тому, что вводит этот фрагмент. Тем не менее (3) в (1) может активировать другой нарратив – например, быть использовано для указания на будущего Карла VII (допустим, автор (1) не знает никакого другого дофина Карла). Он мог когда-то слышать (1) и воспринимать его как истинное суждение, но верит, что все, что в нем говорится, относится к будущему Карлу VII. Но если (3) в (1) активирует нарратив Карла VII, а (2) – нарратив войны бургиньонов и арманьяков, то (1) будет сообщать нечто явно ложное, предполагающее, что некто, не существовавший во время войны арманьяков с бургиньонами, участвовал в ней. Если совмещение нарративов, активируемых в дискурсе, делает какую-то его часть явно ложной или противоречивой, такой дискурс является нарративно несовместимым; и это должно быть и обычно является основанием для приписывания другого нарративного значения хотя бы одному из нарративно интерпретируемых выражений или, альтернативно – для отказа понимать данную последовательность высказываний как связный дискурс¹. Можно сказать, что в роли смысла имени нарратив должен содержать информацию, необходимую и достаточную для полного понимания этого имени². Но это не значит, что чем больше информации о предмете сообщает нарратив, тем лучшее понимание он обеспечивает. Каждый нарратив, будучи понят, обеспечивает в своем роде полное понимание активировавшего его выражения. Можно сравнивать нарративы между собой как по-разному описывающие нечто общее для них³: например, Столетнюю войну. Тогда нарратив, говорящий об этой войне только то, что она длилась примерно сто лет и была между Англией и Францией, мы, конечно, сочтем менее информативным, чем более подробные рассказы об этом историческом явлении. Но это не значит, что выражение «Столетняя война», будучи использовано со значением, определяемым таким малоинформативным нарративом, будет менее понятным, чем то же выражение, использованное со значением, определяемым каким-то более информативным нарративом. Оно будет непонятным, если его нарратив четко не определен. Сказать, что один нарратив, буквально, дает лучшее понимание некоего предмета по сравнению с другим, можно только в случае, когда первый включает второй как свою часть, но не исчерпывается им. Однако в подобных случаях можно сказать, что полным смыслом имени является наиболее объемлющий нарратив, включающий нарратив, непосредственно активированный данным появлением определенного выражения в дискурсе.

Если два имени или более определяются общим нарративом как стандартные имена определенной (этим нарративом) сущности, о них вполне можно сказать, что они

являются синонимами в рамках этого нарратива. Например, в нарративе Карла V Французского его главный предмет обозначается и как дофин Карл (в определенный исторический период), и как Карл Пятый, и как Карл Мудрый. Можно сказать, что относительно него эти имена синонимичны и что, скажем, «дофин Карл» в нем обозначает Карла Мудрого. Но из этого не следует, что в нарративе войны между арманьяками и бургиньонами «дофин Карл» обозначает Карла Мудрого потому, что в этом нарративе «Карл Мудрый» не является стандартным именем данного персонажа⁴.

Заключение: нарративные значения незнакомых выражений

Таким образом, мы полагаем: допущение нарративных значений помогает сохранить интуитивно правдоподобную гипотезу, что впервые, не анафорически используя определенные выражения – прежде всего собственные имена – в дискурсах, мы часто говорим о чем-то уже знакомом или, по крайней мере, известном. Субъект, однако, может быть не знаком ни с одним нарративом, определяющим значение использованного им имени. Почему, тем не менее, можно говорить о том, что это использование определяется каким-то нарративом? Стандартный ответ на этот вопрос предполагает, что одно появление имени может заимствовать значение выражения у другого его появления – в данном случае такого, при котором нарративное значение вводится пресуппозицией. В определенном смысле заимствование значения представляет собой загадку: как, в самом деле, одно выражение (или его токен) может не просто значить то же, что и другое, но приобретать свое значение за счет наличия соответствующего значения у этого другого выражения (или токена)? Существующие объяснения⁵ не вполне адекватны. Они говорят, например, что значение заимствуется потому, что субъект использует выражение с намерением обозначать с его помощью то же, что и те, чье лингвистическое поведение служит для него образцом для подражания. Однако остается непонятным, как именно наличие такой интенции обеспечивает заимствование значения. Тем не менее если заимствование значения одним появлением выражения у другого его появления в рамках единого дискурса в принципе допускается (а без этого невозможно было бы объяснить существование анафор), то можно допустить и возможность заимствования значения появлением выражения в одном дискурсе от его появления в другом. Тогда можно предположить, что просто используя выражение в соответствии с определенным образцом, субъект способен активировать соответствующий нарратив, даже не будучи с ним знаком, и, таким образом, сделать семантический вклад данного использования данного выражения в текущий дискурс частично определяемым этим нарративом.

Примечания

¹ Конечно, это относится только к тем дискурсам, которые претендуют на описание фактов.

² Какое понимание является полным – отдельный вопрос; но мы здесь всего лишь исходим из того, что для полного понимания имени с ним должна быть ассоциирована информация, делающая его референциально определенным.

³ В этом случае, очевидно, субъект будет активировать некий метанарратив, относительно которого сравниваемые нарративы представляют разные версии или аспекты того, что в этом метанарративе определено неким максимально полным (и не обязательно непротиворечивым) образом.

⁴ Сказать, что это условие не выполняется потому, что соответствующий Карл еще не был прозван Мудрым в период этой войны, будет неадекватным объяснением, потому что Мудрым он мог быть прозван и вовсе только после своей смерти. Важно, не когда прозвище или имя закрепилось за индивидом в реальной жизни, а как имена совместно используются в нарративе. Если нарратив данной гражданской войны включает использование имени «Карл Мудрый» наряду с «дофин Карл» (в тех же ролях), то соответствующее условие будет выполнено.

⁵ Прежде всего так называемая каузальная теория референции (см. подробнее: [Kripke 1980, 91–96]).

Источники – Primary Sources in English

- Heim, Iren R. (1982) *The Semantics of Definite and Indefinite Noun Phrases* // <https://semantic-sarchive.net/Archive/jA2YTJmN/Heim%20Dissertation%20with%20Hyperlinks.pdf>
- Mill, John St. (1862) *A System of Logic*, I, Parker, Son, and Bourn. London.
- Kripke, Saul (1980) *Naming and Necessity*, Harvard University Press, Cambridge.

References

- Kamp, Hans, Reyle, Uwe (1993). *From Discourse to Logic; Introduction to Model-Theoretic Semantics of Natural Language, Formal Logic and Discourse Representation Theory*, Kluwer, Dordrecht.
- Meier, Emar (2009) 'Proper Names and Indexicals Trigger Rigid Presuppositions', *Journal of Semantics*, 26, pp. 253–315.

Сведения об авторе

ИВЛЕВА Марина Левенбертовна – доктор философских наук, профессор, завкафедрой социальной философии, Российский университет дружбы народов.

ЧЕРНЯК Алексей Зиновьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной философии, Российский университет дружбы народов.

Author's information

IVLEVA Marina L. – DSc in Philosophy, Professor, Head of the Social Philosophy Department, Peoples' Friendship University of Russia.

CHERNYAK Alexey Z. – CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Social Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia.